

Отзыв

официального оппонента о диссертации Белого Александра Андреевича «Философско-эстетические основы пушкинского «истинного романтизма»», представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.01.01 – Русская литература и 10.01.08 – Теория литературы. Текстология

Диссертация А.А. Белого «Философско-эстетические основы пушкинского «истинного романтизма»» представляет собою пристальное, глубокое исследование творчества Пушкина как в историческом, так и теоретическом плане. Она взвешенно и упорядоченно сосредоточивает в себе наблюдения, ранее опробованные и изложенные в изобилии печатных трудов автора, посвященных Пушкину и романтизму.

Автор не без основания считает, что ряд трактовок пушкинского реализма «принижают романтическую составляющую», доказывают ее быстротечность и промежуточность. Осознавая же неслучайность и длительность пушкинского влечения к «романтизму истинному», А.А. Белый признаёт, что в романтизме наличном Пушкину многого недоставало или представлялось уклонением от задач сообразного эпохе (и мировом художественном накоплении иных времен) искусства слова.

Как это оглашено в работе А.А. Белого, «на защиту выносятся следующие положения:

1. В русской культуре первой трети XIX в. нет другой фигуры, кроме Пушкина, в отношении которой вопрос о романтизме был бы столь сложен. По художественной типологии драматургии и прозы (ясность, четкость, логичность) Пушкин значительно ближе к писателям-классицистам, чем к романтикам. Вместе с тем литературная ткань создается с использованием романтической образности. Сочетание этих компонент заставляет поставить вопрос о принадлежности творчества Пушкина середины 1820-30-х годов к

такому явлению как «романтический классицизм». Не применявшийся до сих пор в литературоведении, этот термин общепринят для живописи и архитектуры, что позволяет говорить о едином характере эволюции направлений русского искусства.

2. Художественный мир Пушкина включает в себя сложное взаимодействие нравственной и эстетической проблематики, формирующейся в соотнесении с философскими приоритетами времени. Обработка их Пушкиным служит основным источником для вывода, что его творчество не может быть адекватно отражено в терминах, ассоциируемых с романтизмом.
3. В философском ключе к пушкинским произведениям особое место принадлежит релевантным фрагментам философии Канта.
4. Содержание пушкинского термина «истинный романтизм» формировалось в ходе усложнения эстетического опыта и в зрелых произведениях обретает форму художественного эквивалента категории «возвышенного».
5. Ядро проблематики «маленьких трагедий» содержится в драме «Борис Годунов», драматический конфликт которой заключен в нерасчлененности нравственного сознания – противоречивого сосуществования «старой» христианской нравственной системы с «новой», обусловленной свободой философских взглядов века Просвещения.
6. «Повести Белкина» построены на художественном исследовании «совести» как априорной основы современного нравственного сознания, испытавшего воздействие европейской философской критики. Именно совестью, ее независимостью от социального положения и культурного опыта человека (от гробовщика до графа), определяется «странное» поведение персонажей «Повестей Белкина».

7. Проблематика «маленьких трагедий» вытекает из конкуренции традиционной совести и «нового» основания нравственности – пользы. Избрание пользы порождает культ служения золоту или красоте (Искусству), что ведет к дегуманизации нравственного сознания. Восстановление «истинных» основ поведения человека требует «революции в области мысли» (Кант). В «Каменном госте» и «Пире во время чумы» прослежено «революционное» обращение к вере человека, выросшего под воздействием «ума». Обретением новых оснований морального мира цикл «маленьких трагедий» достигает завершения.
8. В последующих произведениях центр проблематики смещается в сторону права – долга и закона. Недостаточно укорененные в русском опыте эти понятия ответственны за обрыв «Евгения Онегина» и незавершенность «Дубровского» – произведений с типично романтическим любовным конфликтом «отчужденного» персонажа.
9. В освоении проблематики долга и закона Пушкин снова обращается к европейскому материалу («Анджело»), а в цикле произведений второй болдинской осени (1833 года) достигает художественного ее воплощения на русском материале».

Добросовестность и планомерность разработки именно этих положений в работе А. Белого несомненна. Пушкин, согласно диссертации, гораздо больше взял от неромантического искусства, чем это делал средний романтик, однако и романтическое (истинно романтическое) начало в нем не гасло.

В заключение предлагается видеть в пушкинском «истинном романтизме» некий «романтический классицизм». Автор признаёт неосвоенность этого понятия наукой, но настаивает на его уместности.

«Неуместным» такое понимание Пушкина не считаем и мы. Даже если не вводить его в терминологический обиход, сама атмосфера пытливого внимания к многогранности Пушкина явная в работе, устремленной к такому представлению о Пушкине, плодотворна.

Поиск знаков соотнесенности пушкинских категорий чести, возвышенного, свободы, долга, внутреннего самоконтроля, жизненной ёмкости картин-панорам с европейской мыслью (особенно кантианской, улавливаемой на линии Кант – мадам де Сталь – Пушкин) предлагает результаты, обогащающие литературоведение. А.А. Белый продуманно и осторожно говорит о «кантовской цитате» у Пушкина как о созвучии, а не как о собственно цитировании. Может быть, недостаточно учтено лишь то, что и Кант есть эпоха вызревания романтизма, а также и то, что вдохновлявшая Пушкина «классика» шире, чем собственно классицизм. Это Шекспир и Гёте (с его, опять же, шекспиризмом), а также античность.

Конечно, романтическую одержимость (поэта, а не его героя) Пушкин отвергает в пользу самообладания художника; и он впускает в художественное пространство гораздо больше обыденно «подлого» (в одном из смыслов); это внушено не романтизмом и не классицизмом, но опять же Шекспиром. Однако корнями это уходит в античность чаще, чем это готов увидеть А.А. Белый. Подчинение же художника им же поставленным над собою законом – черта, замеченная Сисмонди в художественной практике Данте (этот принцип заявлен Пушкиным по меньшей мере трижды). Ёмкость же картины бытия, где все расставлено на свои места в соответствии со строем целого – античный (хотя и не обязательно классицистический) принцип. Он провозглашен Архилохом в стихах «Сердце, сердце, грозным строем встали беды пред тобой» (сюда же восходит и пушкинский строго-стройный ум сердца). Наконец, выделенный особо Пушкиным Крылов – античен по жанровой форме (как баснописец), «француз» по ориентации на непосредственного, ближайшего предшественника, и он же во вполне романтическом смысле национально-народен по языку.

Mutatis mutandis это может быть отнесено и к пушкинской сказке-басне – что, впрочем, не оспаривает тесного сосуществования в мире Пушкина и классицизма с романтизмом, а также заставляет признать, что такой симбиоз – более широкое явление, чем это ухвачено А.А. Белым.

Диссертация выполнена в строгом соответствии с требованиями ВАК, предъявляемыми к докторским работам. Названные требования соблюдены и в автореферате диссертации.

Есть все основания считать работу А.А. Белого позволяющей присвоить соискателю ученую степень доктора наук по специальностям «Русская литература» и «Теория литературы. Текстология».

Доктор филологических наук
ведущий научный сотрудник
Института мировой литературы РАН
С.А. Небольсин

ПОДПИСЬ ЗАВЕРЯЮЩАЯ
УЧЕНЫЙ СЕКРЕТАРЬ
ИМЛИ РАН

А.М. АЛИЕВА

